

28 октября 2006 года исполнилось 75 лет со дня рождения уникальной певицы Ирмы Голодяевской, чье детство прошло в Ульяновске, где остались ее школьные подруги, создавшие Общество друзей Ирмы Голодяевской. Одна из них, Нина Сергеевна Смирнова, вспоминает последнюю свою встречу с лучшей подругой, когда в 1955 году та приехала в Ульяновск на похороны мамы. Ирма была убита горем, и Нина не смела попросить ее спеть, однако, уже на пороге, Ирма неожиданно спросила: «Хочешь, я спою тебе?» Она села за рояль, который так любила с детства (у Смирновых стоял большой концертный рояль, и Ирма, убегая с уроков, спешила сесть за инструмент) и запела: «Нет, не тебя так пылко я люблю...». Пела с таким чувством, что слезы невольно наворачивались на глаза. После гибели подруги Нина Сергеевна получила от ее троюродного брата Юрия письмо и стихи его мамы, Ирминой тети, Юлии Панышевой «Слушая голос Ирмы». Вот эти стихи:

*«Не уходи, побудь со мною!» —
Звучит надеждой и мольбой...
Какой ошибкой роковую
Остался жить лишь голос твой.
И он живет, томит, колдует,
Пророчит счастье впереди!
Он то рыдает, то ликует:
«Не уходи, не уходи!»
Плывет трагический сопрано,
Сулит восторг, зовет мечту...
Душа скорбит, что ты так рано
Ушла в беззвучье, в темноту.*

Не уходи, не уходи...

Она родилась певицей. Она пела всегда и везде, где и когда хотела петь. Ведь птицы певчие поют просто потому, что не петь они не могут. И она пела так же естественно, как и дышала.

Жаркое, грозное, страшное лето 1941 года. Гул бомбардировщиков, вой авиабомб, разбитая техника на недавно мирных полях пшеницы, горящие хаты, забитые испуганными людьми вокзалы и поезда. Брошенные или потерянные беженцами вещи — в суматохе хватали не всегда самое нужное и необходимое. Женщина с сухим суровым лицом и небольшая худенькая девочка с глазами цвета морской волны были эвакуированы из теплого, старинного и красивого Харькова в далекий город на Волге, где у женщины были родственники. Город Ульяновск, тихий, зеленый, провинциальный, принял к себе на время войны заводы, фабрики, институты, детские дома и много эвакуированных. Калерия Семеновна и Ирма Голодяевские поселились на первое время у дяди.

Началась трудная жизнь военного времени, которая осложнялась еще и отсутствием родного угла. Мать целыми днями пропадала на работе. Ирма была предоставлена сама себе и, надо думать, была очень одинока

и бесприютна. По натуре своей человек открытый и общительный, она, с одной стороны, охотно заводила подружек, но, с другой, отнюдь не всех допускала в сокровенные тайники своей души. Она плыла в одной лодке со всеми и пела в общем хоре, но всегда имела свое мнение по каждому вопросу. Была неискuschenна и простодушна и, если что-то поглощало ее, то отдавалась этому полностью, со всем жаром своей романтической и артистической натуры.

Наверное, Ирма обладала счастливым характером. Умела находить радость во всем, но, несмотря на свойственную юности жизнерадостность, была натурой ранимой. Жила напряженной духовной жизнью, поглощая книги, музыку, познавая любовь ко всему сущему. И влюбленность преображала своей романтической натурой. Она фантазировала, но фантазии эти были прекрасны и чисты.

Ирма была очарована XVIII и XIX веками, и поэтому предмет ее влюбленности носил имя Граф, а ее саму в кругу самых близких подруг называли графиней или княжной. Стремление вырваться из серой обыденности окружающей жизни — вот чем было полно ее существо. Поиск счастья и

стремление дарить его людям. И она дарила свою дружбу (об этом с нежностью и болью вспоминают ее все подруги, особенно Нина Смирнова), свой талант, свой божественный дар.

Кумирами Ирмы были Дина Дурбин и Клара Доннер. Фильмы с их участием она готова была смотреть без конца, а фильм «Большой вальс» посмотрела 23 раза. В коротеньких записочках, которыми Ирма обменивалась с задушевницей подругой Ниной, она четко, уже в подростковом возрасте, обозначила свое кредо — быть актрисой, дарить радость людям, чтобы они отдыхали после трудов.

...Вот и пролетели школьные годы, впереди широкое поле жизни. Ирма едет в Москву поступать во ВГИК. И поступила! И училась прекрасно. Но преподаватели настойчиво уговаривали поступать в консерваторию. Ведь тот, кто хоть раз слышал ее неземной голос, забыть его уже не мог. Это и решило дальнейшую судьбу Ирмы.

Она поступает в музыкальное училище имени Гнесиных и одновременно учится в МГПИ им. В.И. Ленина на отделении французского языка. Затем Консерватория им. П.И. Чайковского. Учителя сразу оценили ее талант. Ирма Голодяевская выступает в луч-

ших концертных залах столицы, записывается на Всесоюзном радио, ее готовят к зачислению в труппу Большого театра. Казалось бы, все складывается прекрасно. Но...

С группой студентов консерватории Ирма едет в Англию. Она производит настоящий фурор. И английская искушенная публика, и специалисты в восторге от ее голоса. Такой голос, говорят ей, рождается раз в сто лет. Ей предлагают ангажемент в Королевской опере, и кто-то из королевского дома влюбляется в очаровательную русскую певицу, а она якобы ответила, что подумает. Слухи... слухи...

В Москве она сразу же оказалась под неусыпным оком лиц в штатском. С этого момента для Ирмы начались черные дни. Ее вызывали на проработку в деканат консерватории, в ЦК ВЛКСМ, к «серому кардиналу Суслову», на допросы в КГБ. Кстати, тот факт, что ее возили к самому Суслову, подтверждает то, что со стороны Соединенного Королевства были заинтересованы высокие сферы. А у Ирмы недавно умерла мама, были какие-то проблемы в личной жизни, кто-то из ее завистников написал на нее донос. И Ирма сломалась. После очередного ночного допроса она лежала на своей койке в общежитии и слушала дыхание соседок-китайнок. Она встала, побрела на кухню и выпила бутылочку уксусной эссенции. Боже! Бедная певчая птица! Как же ей было больно, когда кислота разъедала живую трепетную плоть, добираясь до самой души! Не помня себя от боли, бросилась она, как лебедь, оставшийся без подруги, оземь. Умирала она в страшных муках несколько часов. Даже выдавший виды профессор «Склифа» рыдал при виде ее страданий от боли за нее и своей беспомощности. Наконец, душа ее вырвалась из плена изуродованного тела и улетела туда, где, хочется думать, нашла покой и любовь.

Существуют в мире, хотим мы того или нет, верим в это или нет, таинственные связи. Ученый-астроном далеко от нашего города прочел заметку о трагической судьбе Ирмы и предложил назвать ее именем открытую в 1976 году в созвездии Рыб малую планету. Кто знает, возможно, ее душа воплотилась на далекой планете в кого-то прекрасного и поющего голосом Ирмы - Ирмины. Теперь тебе не страшны завистники и зло, в каких бы ипостасях оно ни было. Ты для них недосыгаема. Тебя нет с нами уже 50 лет! Но ты живешь в памяти друзей, и жив твой голос. Покойся с миром, птица певчая!

Нина Дрогоблю

Недавно популярный советский артист Юлиан Панич выпустил мемуары, которые приоткрыли еще одну страницу из жизни Ирмы Голодяевской. Предлагаем читателям отрывок из его книги «Колесо счастья».

В конце августа сорок первого в Харьков прилетел маршал Советского Союза, командующий Юго-Западным фронтом Семен Михайлович Буденный. Отец позже рассказывал:

— Скорее на этой ладони вырастут усы, — маршал указал на свою ладонь, — чем мы сдадим немцам Харьков!..

Через несколько дней к Харькову подошли немцы. Они двигались к городу со стороны Холодной Горы, а в другом конце города, из лесопарка, пешком бежали военные и гражданское население. Бежали и мы, вся 257-я авиабаза.

Несколько раз по пути из Харькова в Купянск раздавались крики «Воздух!» Немцы летели на бреющем полете и стреляли из пулеметов... И горела пшеница в поле, и металась по нему лошадь, волоча перед собой перевернувшиеся повозки. Огонь и дым, вопли раненых, крики над убитыми.

Мы бежали по полю, плюхались на землю и снова бежали. Рядом со мной бежала дочь комиссара нашей авиабазы Голодяевского. Девочку звали Ирмой. Когда немцы срывались над нашими головами в пике и шли, строча из пулеметов, вниз, мама Ирмы прижимала плачущую дочку своим телом к земле. И моя мама тоже прикрывала меня своим телом.

Потом немцы улетели, и тогда собирали трупы убитых и тела раненых... Красноармейцы выкопали неглубокую могилу и похоронили нескольких погибших. Никто не плакал. И Ирма тоже не плакала, она спрашивала маму: «Когда нас убьют, нас тоже в землю закопают?» — «Нас не убьют, Ирмочка, нас никогда не убьют...»

...В 1956 году студентка третьего курса Московской консерватории Ирма Голодяевская оказалась в соста-

ве советской молодежной делегации в Англии. Она пела в Лондоне на сцене Ковент-Гарден арии Кармен и Далилы. Успех имела грандиозный. Ирму подвели к королевской чете, молодая Елизавета Вторая через переводчика говорила с ней. Только с ней, одной из всей делегации. Только ей королева передала букет цветов.

Когда делегация вернулась в СССР, прошел по консерватории слух, что Ирма Голодяевская приняла приглашение королевы Елизаветы приехать на гастроль в Ковент-Гарден. Другие говорили: остаться там навсегда.

Ирму начали вызывать на беседы в бюро комсомола и к куратору из КГБ. Вокруг нее образовалось кольцо отчуждения, от нее отказался жених.

Ирма выбросилась из окна общежития. Ей было 22 года. Осталось несколько записей ее голоса... Замечательный радиожурналист Анатолий Агамиров на «Эхо Москвы» рассказывал как-то о ней в своей передаче, сопроводив рассказ записями голоса уникальной певицы...

Мы с Ирмой, офицерские дети, мечтали как-нибудь вместе выступить в одном концерте в воинской части моего отца в подмосковном Ржеве и рассказать о нашем пешем походе из Харькова в Купянск.

А как Ирма в концертах пела совсем не женскую песню Анатолия Новикова «Эх, дороги...!»! Она начинала тихо, вполголоса, речитативом, будто прислушаваясь к самой себе, а потом от строчки к строчке, от куплета к куплету наполняла пение мощным звуком, и казалось, что это уже не голос, а орган ведет мелодию песни, и слова несутся ввысь, как молитва, или падают с эхом, как камни в колодезь...

1952 г. Перед зданием училища им. Щукина в Москве.

Слева направо: Ю. Панич, В. Смирнов, В. Лановой, А. Шверин, Г. Абрикосов